

## ДЫМ НАД ТАЙГОЙ

Роман

### ПРОЛОГ

К самолету Остудин подходил с таким чувством, словно его вели под конвоем. Не хотел он видеть ни груз, который привезли на аэродром, ни всю сцену его передачи семье Кузьминых. Одна мысль об этом останавливала сердце. В голове не умещалось, как могло случиться такое. Когда он услышал о смерти Саши Кузьмина, у него оцепенела душа. Он сразу понял: Кузьмин этого не переживет.

А ведь все в тот день начиналось хорошо. На совещание к начальнику областного геологического объединения Батурину Остудин шел в приподнятом настроении. Еще накануне вечером он получил из экспедиции радиограмму о том, что испытания скважины на Кедровой площади начнут сегодня с утра. Он был абсолютно уверен в том, что она даст нефть. А это значит, что он победил. Все остальное — и нечеловеческие усилия, и самые горькие разочарования, и нервотрепка последнего времени — отошло на второй план. Он представлял радостные лица буровиков, своего зама Кузьмина, главного геолога Еланцева и от этого у него самого невольно появлялась улыбка. Ведь все они живут на Севере ради одного — поиска нефти.

Совещание проходило по-деловому сухо, как это всегда было у Батурина, на конкретные вопросы давались такие же короткие конкретные объяснения.

Когда оно закончилось, руководители экспедиций, и те, которых Захар Федорович Батурин похвалил, и те, которым он минуту назад бросал упреки, тесным кружком обступили его. У каждого было свое, недоговоренное. То, что минуту назад выглядело чинным мероприятием, превратилось в толчею. Батурин слушал, слегка наклонив голову, и почему-то все время смотрел на тумбочку с телефонами. Наверное, ждал звонка. И через некоторое время из трех стоявших на тумбочке телефонов зазвонил красный, по назначению — прямой.

— Прошу простить, — сказал Батурин, и все тут же умолкли. — Да, да. Здравствуй, Семен Гаврилович... Да ты что!.. У меня как раз начальник Таежной экспедиции... — Батурин сдвинул к переносице густые, пробитые редкой сединой брови, и его лицо сразу стало суровым. Перехватив настороженный взгляд Остудина, он опустил глаза и тихо произнес: — Роман Иванович, задержись.

Закончив разговор, Батурин на ощупь, не попав с первого раза на рычаги аппарата, опустил телефонную трубку и отрешенно уставился в пространство. Начальники экспедиций, сгрудившиеся вокруг стола, застыли в молчаливом ожидании. Они поняли, что Батурина сообщили важную новость и теперь ждали, когда он поделится ей. Но вместо этого он, все так же глядя в пространство, сделал рукой жест рукой, что все могут расходиться. Громко отодвигая стоявшие у стола стулья, люди начали выходить из кабинета.

Батурин, записав просьбы начальников в свой ежедневник, чтобы взять на особый контроль, не воткнул ручку в пластмассовый голубой стаканчик, а, захлопнув ежедневник, оставил ее в нем. И нахмурившись так, что его кустистые брови сошлись у переносицы, не произнес, а скорее вытолкнул из себя тяжелые слова:

— Неприятная новость, Роман, — Остудин обратил внимание, что он впервые назвал его просто по имени. — Звонил военком. Александра Кузьмина убили. Гроб с телом везут из Афганистана. Сегодня вечером он будет в нашем аэропорту... Насчет подробностей свяжись с военкомом.

Остудин застыл, глядя на красный телефонный аппарат. Александр был единственным сыном его заместителя Константина Павловича Кузьмина. У Кузьмина болело сердце, и он сразу подумал, что эта страшная весть убьет его. Поэтому переспросил:

— А военком не ошибся? — и посмотрел Батурина прямо в глаза. — Две недели назад я Сашу Кузьмина вот как вас видел. Он приезжал в Таежное на побывку. У него есть невеста, дочь бурового мастера Лена Федякина.

— Еще и невеста... — Батурин провел пальцами по воротнику рубашки, словно она ему вдруг стала тесной. — А насчет двух недель... У войны, Роман, свой отсчет времени. Звони военкому.

Батурин переставил телефон с тумбочки на стол, сам набрал номер.

Остудин никогда не считал себя человеком слабым. И это не было самохвальством. Ему приходилось бывать во всяких переделках, и он ни разу не дрогнул. Это не однажды отмечали те, кто сопровождал его «в трудах и походах».

Всякое приходилось видеть Роману Остудину: и счастливые лица первооткрывателей, и натянутые улыбки неудачников. Приходилось поднимать стакан, утверждая: «Не пью потому, что горько», приходилось закрывать глаза навсегда ушедшим.

Таких было трое: Наташка Сергеева, Влас Старков и Венька Брызгалов. Наташка утонула, переходя вспучившуюся после ливня горную речушку Громотуху. Смерть ее казалась совершенно нелепой. Воды в речке было всего по пояс. Но Наташка поскользнулась на осклизлом валуне, ударилась затылком о камень, и пока ее выловили из воды, было уже поздно. Влас, работавший геофизиком, умер от непонятно какой болезни в Печорской тайге. Умер только потому, что их группе не дали рацию, и они не смогли вызвать санитарный вертолет. Четыре дня двое несли на носилках третьего, а на пятый день Влас тихо закрыл глаза и больше уже никогда не открыл. Роман и Юрка оставили носилки, связали волокушу и еще два дня до выхода в деревеньку Сосновку тащили тело на волокуше.

А вот Венька Брызгалов погиб от пули. Произошло это на Урале, где Остудин был на студенческой практике. Зайцев в том районе была тьма, и геологи часто охотились на них. Ходили по двое. В тот раз в паре с Венькой шел Роман. Потому он все видел, но не сразу все понял. Они обходили большую вырубку. Рядом с Венькой выскочил русак. Венька выстрелил, заяц по-детски заверещал и закрутился на месте. Венька в азарте подбежал к нему и стал добывать прикладом. Ружье выстрелило вторым стволом. Заряд вошел Веньке в грудь.

Все три смерти обидные, но объяснимые. Наташка и Влас погибли на службе. Они делали работу, которая была нужна людям. Венька обрек себя по собственной неосмотрительности. А вот из-за чего погиб Саша Кузьмин, сероглазый, улыбочивый парень, который после армии хотел стать геологом, чтобы со временем заменить отца?

Два года назад его призвали в армию. Через год он оказался в Афганистане. Писал отцу короткие, но спокойные письма. В одном сообщил, что награжден орденом Красной Звезды. Кузьмин насторожился, потому что боевые ордена за мирную службу не дают. И даже поделился своими опасениями с Остудиным. Но месяц назад Саша приехал на побывку, и все тревоги сразу рассеялись.

Константин Павлович по этому поводу устроил застолье. Столы ломились от яств. Здесь была и лосятина, тушенная в вине, и рябчики, запеченные с брусникой, и грузди со сметаной. Остудин, бывший на пиру почетным гостем, снова и снова воспроизводил картину: во главе стола сидит Кузьмин-старший, справа от него — Саша. Добрый, русоволосый, в новеньком камуфляже (камуфляж тогда только входил в моду, и Саша специально прихватил его, чтобы покрасоваться), при ордене Красной Звезды и медали «За отвагу» — про нее он написать не успел: сразу после вручения разрешили отпуск. На углу стола рядом с Сашей, чуть касаясь его плечом, — Леночка Федякина. Вчерашняя угловатая длинноножка, неизвестно когда успевшая из Золушки превратиться в принцессу и стать первой поселковой красавицей. Саша постоянно бросал на нее короткие взгляды, и его глаза радостно светились. Это открыто замечали все, в том числе и Остудин. Константин Павлович, когда вышли в соседнюю комнату курить, по секрету сообщил: «Санькина невеста. Хотели теперь пожениться, но мы с матерью отсоветовали. Вот вернется со службы...»

Последний раз Остудин видел младшего Кузьмина накануне его отъезда. Возвращаясь домой поздно вечером, около федякинской калитки Роман Иванович чуть было не налетел на парочку. Он нарочито отвернулся, чтобы не смущать молодых. Но они и не стеснялись. Саша Кузьмин забрал под свой полубубок Ленку, и они, забыв обо всем на свете, целовались. Так увлеклись, что на Остудина не обратили внимания. Когда он предупредительно кашлянул, они лишь отодвинулись к калитке, освобождая проход на узкой, протоптанной в снегу тропинке. Приподняв отвороты полубубка, Сашка спрятал буйную свою голову. Никого в этот момент не видел, не слышал, и никто для него не существовал, кроме Ленки.

И вот теперь эта красивая девочка с удивительными синими глазами уже не сможет прижаться к груди того, кто первым поцеловал ее. Остудин вдруг представил, как вздрогнет она, услышав страшную весть, сникнет и потухнет, как побелеют ее губы и потускнеет взгляд, и ему стало нехорошо. «Что же это за жизнь? — подумал он. — Не жизнь, а свеча на ветру, которая может погаснуть каждую минуту. Кто же выставил нас на такой ветер? Ведь Саша отпраздновал свое двадцатилетие всего месяц назад. Разве можно допустить гибель человека в таком возрасте? Еще немного, и от некогда великого народа не останется ничего. Кто же повинен в этом?»

Вопросы лезли в голову, сжимали сердце, иногда почти останавливая его, но Остудин знал, что не успокоится, пока не найдет ответа. «Но кто же даст его мне? — подумал он. — За что мы воюем в Афганистане? И что такое ограниченный контингент войск? Вот уже третий год он вязнет в стране, которая нам не друг, не сват и не брат. Кто такие моджахеды? Кто такие душманы? И чего мы не можем поделить с ними?»

Мысли об Афганистане, о том, что в нашей жизни что-то идет не так, возникали у Остудина, когда он нетвердым шагом шел через подмерзшее поле аэродрома к одинокому АН-2, стоящему у самого края рулежной полосы. И еще он думал: как сказать Константину Павловичу о том, что он привез гроб с телом его сына? Попытался поставить себя на его место, но сопоставление не укладывалось в голове. У него было неосознанное чувство вины перед своим заместителем. «Наверное, это потому, что у меня, в отличие от него, нет сына, — подумал Остудин. — Но если бы он и был, ему еще нужно вырасти. Время моих детей впереди», — горько усмехнулся Остудин и двинулся к открытой дверке самолета. В нем находился только второй пилот. Ни командира, ни страшного груза еще не было. Увидев Остудина, пилот прыгнул на землю, притопнул тяжелыми, на собачьем меху, сапогами и, козырнув по-военному, коротко сказал:

— Командир сейчас придет, — и, опустив руку, добавил: — Диспетчер попросил нас взять до Таежного девушку. Вы не возражаете?

— Да нет, — сказал Остудин, глядя как из здания аэропорта вышла вереница людей и направилась на посадку в стоявший недалеко АН-24. Ему было все равно, кто полетит с ним.

Остудин хотел спросить про гроб, но не стал. К самолету, хрустя шинами по некрепкому утреннему льду, приближалась крытая машина, в которой, очевидно, и везли Сашу Кузьмина. Она остановилась, и из нее, не закрыв дверку кабины, осторожно вылез старший лейтенант, по виду еще совсем мальчик, с бледным, без единой кровинки лицом. Он был одет в меховую камуфляжную куртку, но Остудин сразу обратил внимание на его левую руку, висящую на перевязи. Шофер машины протянул ему из кабины маленький чемоданчик.

Откинув тент, из кузова прыгнули четыре солдата. Молча открыв задний борт, они сноровисто вытащили из машины длинный деревянный ящик, сбитый из грубых необструганных досок, и понесли к самолету.

— А мне казалось, что погибших солдат привозят в цинковых гробах, — глядя на старшего лейтенанта, не удержавшись, произнес Остудин.

— Вам правильно казалось, — сухо, давая всем своим видом понять, что ни в какие разговоры вступать не хочет, ответил старший лейтенант.

Остудин промолчал. Солдаты поднесли ящик к самолету. Но оказалось, что АН-2 не приспособлен для таких грузов. Он наполовину застрял в узкой и низкой дверке, и его никак не удавалось протиснуть в салон.

— Вытащите его оттуда, — шагнув к самолету, сухо приказал старший лейтенант. — И попробуйте протолкнуть боком.

Парни молча выполнили команду. Но груз, цепляясь стенками и скрежеща, словно сопротивлялся вольному с ним обращению. И каждое его прикосновение к металлу вызывало у Остудина прямо-таки физическую боль, как будто это его обнаженное тело, минуя острые железные крючья, старались проташить в самолет.

— Да скажите же вы им, что там человек, — не выдержал Остудин.

— Там тело, — мрачно сказал старший лейтенант. Тем не менее вмешался: — Осторожнее, ребята. Приподнимите перед, так, по-моему, будет лучше.

Так действительно оказалось лучше. Гроб затащили в салон, кряхтя, отодвинули в хвост самолета. Машина уехала, старший лейтенант остался. «Значит, полетит с нами», — подумал Остудин, и ему сразу стало легче. Теперь рассказывать о смерти Саши придется старшему лейтенанту. Подойдя к нему, Остудин протянул руку:

— Хочу с вами познакомиться. Я начальник Таежной нефтеразведочной экспедиции. Сашин отец работает моим заместителем.

— Смышляев, командир взвода, — ответил старший лейтенант и впервые внимательно посмотрел на Остудина.

— Саша служил у вас? — спросил Остудин, хотя понимал всю нелепость своего вопроса. Спросить ему хотелось совсем о другом.

— Он был у меня командиром отделения, — без всякой интонации в голосе ответил старший лейтенант.

— Как нелепо устроена жизнь, — вздохнул Остудин и посмотрел на самолет, в котором лежал мертвый Саша Кузьмин. Он понял, что цинковый гроб находится в деревянном ящике. — Летом он собирался жениться.

— Я слышал, — сказал комвзвода и поставил чемоданчик на землю.

— Как он погиб? — Остудин повернулся лицом к Смышляеву. Ему хотелось подробнее рассмотреть человека, вернувшегося с линии фронта.

— По-мужски. Остался прикрывать ребят, пошедших на прорыв, — Смышляев говорил медленно и все так же бесстрастно.

— А шансы у него были?

— Никаких. Он спасал жизнь других, — Смышляев посмотрел, как от АН-2 отвозят трап, по которому только что поднимались пассажиры.

— Не знаю, как обо всем этом рассказать отцу, — произнес Остудин, глядя на старшего лейтенанта. — Он и без того живет на одних лекарствах.

Остудин хотел, чтобы Смышляев ответил: «Я сам скажу отцу, для этого меня послали». Но, видимо, никто Смышляева не посылал, и он, раненный, полетел не домой, лечиться, а сюда, хоронить друга. Молчание тянулось и тянулось, потому что искреннее переживание всегда молчаливо. Первым заговорил офицер.

— Скорее бы вылететь, — выдохнул он и поднял глаза к небу. — Сколько нам добираться до места?

— Если будет попутный ветер, часа четыре.

И тут Остудин увидел идущего к самолету командира экипажа, рядом с которым шла женщина. Одного взгляда на ее фигуру в ладной аккуратненькой шубке, на высокую соболью шапку было достаточно, чтобы у него застучало сердце. Это была Таня. Он понял, что именно о ней говорил второй пилот. Знала ли она, что ей придется лететь одним самолетом с ним? По всей вероятности, нет. То, что они должны были встретиться в Таежном, не вызывало сомнений. Но она не могла заранее предположить, что эта встреча произойдет сейчас и при таких обстоятельствах.

С того самого момента, когда они увиделись впервые, он ни на минуту не забывал о ней. Однажды ему показалось, что они могли бы часами сидеть вместе и разговаривать, не произнося ни слова. Достаточно было